

Б. Г. Доронин

КИТАЙ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ВЗГЛЯД КИТАЙСКОГО ИСТОРИКА)

Автор знакомит читателя с работой современного китайского историка Лю Даньчэня и широким кругом малоизученных проблем китайской историографии, которые затрагиваются в этой книге. Историческая память, сохраненная в трудах придворных историков, выступает в Китае как основа национальной государственности, а наличие государственности уже в древности стало важным фактором национальной идентичности китайцев, принципиально отличающим их от всего окружающего мира.

Ключевые слова: официальное историописание, политическая культура, национальная государственность.

Особое отношение к своему прошлому – примечательная особенность одной из древнейших в современном мире китайской цивилизации. Историческая память народа этой страны бережно хранит сведения о пройденном Китае пути с середины III тыс. до н. э. Таким наследием в наши дни не располагает ни один другой народ. Прошлое в Китае – это не только надежный фундамент национальной идентичности, но и активный фактор жизни общества и государства, к нему всегда обращались при решении самых разных проблем. И в этом своем качестве оно востребовано и в наши дни.

В 2010 г. на прилавках книжных магазинов КНР появился труд Лю Даньчэня «Чтобы управлять страной и заниматься политикой, необходимо читать историю»¹ (слово «необходимо» в названии выделено). Как следует из названия, книга посвящена роли прошлого в политической практике людей, причастных к власти. Это необычный взгляд на историю, о подобном ее предназначении ученые (даже специалисты по Китаю) вспоминают не часто. Необычен и статус этого труда: он вышел в издательстве ЦК КПК, которое специализируется на публикации сочинений руководителей страны, а также различных материалов, предназначенных для властных структур КНР. Это позволяет предположить, что рассматриваемая Лю Даньчэнем проблематика отражает официальную точку зрения на нее. А по своему характеру и организации материала его труд представляет собой своеобразное учебное пособие, снабженное обширным списком рекомендуемой литературы, что позволяет автору лаконично, но весьма четко донести до читателя суть рассматриваемых им проблем. Внимательное прочтение этого труда и обстоятельное знакомство с его содержанием может пролить свет на многие проблемы, пока еще пребывающие в тени.

¹ Лю Даньчэнь 2010.

Свою книгу Лю Даньчэнь начинает с общей характеристики истории как особой, необычайно важной для государства отрасли знаний: она обеспечивает столь необходимые любому обществу знание своих корней, связь времен, стабильность и уверенность в будущем. Поэтому, подчеркивает он, без знания прошлого успешное функционирование государства невозможно, владение прошлым и умение грамотно ориентироваться в нем обязательны для любого ответственного государственного деятеля².

Но не к всеобщей истории адресует своего читателя Лю Даньчэнь. В тексте, помещенном под заголовком книги, ее магистральную тему он раскрывает так: «Постигнув мудрость истории, становишься великим политиком, как только возьмешь в руки (исторический) труд, сразу же постигаешь все перипетии истории, обретаешь знания, которые помогают в делах правления. Историческая наука Китая – это наука, которая исполнена великой мудрости, она описывает свершения потомков Шэньнуна и Хуан-ди³, существует с незапамятных времен, она преисполнена величественным духом, это драгоценное богатство, оставленное нам предками». Несколькими аналогичными суждениями, размещенными на переплете книги, развивают и дополняют это положение. Она определенно посвящена не всеобщей, а китайской истории, ее месту в политике властей⁴. И не только потому, что книга адресована китайскому читателю – автор подчеркивает, что именно история Китая в полной мере наделена теми качествами, которые необходимы государственному мужу.

Обращаясь к ее характеристике, Лю Даньчэнь прежде всего констатирует принципиальное отличие китайской историографии от европейской. И это, действительно, так, китайская историография – феномен, аналогов которому в мире нет. Свое начало она берет в глубокой древности (приблизительно на рубеже I и II тыс. до н. э.) как дело государственное. Ее становление и развитие происходили в мощном силовом поле самобытной китайской цивилизации, а в императорском Китае оно превратилось в своеобразный государственно-политический институт, занимавший в системе конфуцианской монархии очень важное место; он просуществовал до начала XX в. Работа придворных историков велась практически на постоянной основе, по единым, никогда скольконибудь существенно не менявшимся правилам, концептуальной базой для них всегда было конфуцианство. Подготовленные ими труды нико-

² В качестве примера политиков, прекрасно ориентирующихся в прошлом, Лю Даньчэнь называет В.В. Путина и Генри Киссинджера.

³ Имеются в виду мифические правители древности, стоявшие у истоков китайской цивилизации.

⁴ Тем не менее, составленный автором список рекомендованной литературы помимо трудов по истории Китая содержит и большое количество сочинений по всеобщей истории. Все они подготовлены китайскими авторами, хотя в Китае регулярно публикуется немало литературы по этой проблематике в качественно выполненных переводах.

гда не переписывались и составляют значительную часть всех сохранившихся письменных памятников прошлого, где собран огромный фактический материал за 50 веков истории Китая⁵.

Главная тема трудов придворных историков – дела правления, это была история политическая. Но, обращая свой взор в прошлое, они были озабочены не только прославлением монархов и их свершений, одним из важнейших предназначений официального историописания являлась аккумуляция политического опыта властей, его осмысление и сохранение всего наиболее ценного из него для грядущих поколений государственных мужей⁶. Характеризуя национальную историографию, Лю Даньчэнь о ее официальной природе не говорит, но иной истории в Китае не было, именно особенности, присущие трудам придворных историков, делали их необходимыми для властей.

Главным достоинством трудов по истории Китая Лю Даньчэнь считает присущую им функциональную доминанту и останавливается на характеристике этой их особенности. Как известно, уже в древности в Китае было принято рассматривать историю как зеркало, заглядывать в которое властям следовало постоянно. Позже эта концепция была конкретизирована: подготовленный под руководством великого китайского историка Сыма Гуана (1019–1086) летописный свод, где описывался весь пройденный к тому времени Китаем путь, по указанию императора получил название «Зерцало всеобщее, делам правления помогающее» (Цзы чжи тун цзянь). Еще одна чрезвычайно популярная в императорском Китае концепция, о которой говорит Лю Даньчэнь, определяла: исторический труд должен быть полезен для дел правления (цзин ши чжи юн)⁷. Строгое следование этим и некоторым другим аналогичным установкам превратило труды придворных историков в неисчерпаемый арсенал политического опыта. Лю Даньчэнь квалифицирует его как «науку управления» – важнейшую отрасль знаний в императорском Китае.

Ее концептуальная база была создана в середине I тыс. до н. э. трудами ученых мужей того времени, а ее основой стали взгляды Конфуция и его последователей. Это была конфуцианская «наука управления», имеющая глубокие национальные корни. В политической практике властей императорского Китая основные положения этой науки были представлены в виде афоризмов, говорит Лю Даньчэнь и приводит блок наиболее значимых, с его точки зрения, суждений (с. 261–264):

⁵ Об официальном историописании императорского Китая см.: Доронин 2002; 2010. См. также статьи, посвященные китайской историографии, в энциклопедии: Духовная культура Китая... Т. 4. 2009.

⁶ Помимо трудов по истории Китая в официальном историописании представлены несколько жанров исторических сочинений, посвященных обобщению политического опыта властей. Один из них — «Книги о делах правления» (чжэн шу).

⁷ В современной китайской историографии эта концепция пользуется необыкновенной популярностью, но в ином, «модернизированном» прочтении.

1. «Основа государства ведь народ, прочна основа и удел спокоен»⁸ и «Народ составляет главный элемент в государстве»⁹.

2. «Принцип разномыслия должен быть самым ценным»¹⁰ и «Единение через разномыслие, а не через послушание»¹¹.

3. «Поднебесная принадлежит всем»¹² и «Управлять, основываясь на добродетели»¹³.

4. «При виде опасности быть готовым пожертвовать собой, при виде выгоды не забывать о принципах»¹⁴ и «Призывать к труду, но не вызывать гнева, желать обрести, но не ради корысти»¹⁵.

5. «(Бо И и Шу Ци) не помнили прежнего зла, потому-то и возмущались их поступками мало»¹⁶ и «Благородный муж безмятежен и спокоен, маленький человек постоянно встревожен и обеспокоен»¹⁷.

6. «Не задумываясь о том, что ждет в будущем, человек обрекает себя на скорые неудачи»¹⁸ и «Не торопись и не гонись за малой выгодой. Будешь торопиться – не достигнешь цели, погонишься за малой выгодой – не преуспеешь в большом деле»¹⁹.

7. «Слушая, что люди говорят, я проверяю, как они это выполняют»²⁰ и «Если в речах нет правды – это несчастье»²¹.

8. «Тот, кто усвоил (гуманные) принципы, имеет много помощников, а утративший эти принципы имеет их мало»²².

9. «Любой мастер, желая хорошо сделать свое дело, прежде всего должен наточить свой инструмент»²³.

10. «В обучении не может быть различий по происхождению»²⁴.

⁸ Чтимая книга (Шан шу)... 2014. С. 136.

⁹ Попов 1998. Гл. VII. Цзинь-Синь. Ч. 2. С. 251, XIV.

¹⁰ «Лунь юй»... 2004. Гл. I «Учиться и...». С. 160, I, 12. Это одно из принципиально значимых суждений Конфуция, которое в культуре как древнего, так и современного Китая играет очень важную роль. – Там же. С. 160 (прим. 9), 208 (прим. 109).

¹¹ «Лунь юй». Гл. XIII «Цзы Лу...». С. 208, XIII, 23.

¹² «Ли Ци»... 1973. Т. 2. С. 100. Данное положение определяло, что престол не может принадлежать одному правящему дому, они должны меняться.

¹³ «Лунь юй». Гл. II «Осуществлять правление...». С. 161, II, 3. Здесь говорится: «Учитель сказал: Если наставляя народ путем (введения) правления, основанного на законе, и поддерживать порядок (угрозой) наказания, то народ станет избегать наказаний и лишится (чувства) стыда. Если наставляя народ путем (введения) правления, основанного на добродетели, и поддерживать порядок путем (использования) Правил, то (в народе) появится (чувство) стыда и он исправится».

¹⁴ «Лунь юй». Гл. XIV «Сянь спросил...». С. 210–211, XIV, 12.

¹⁵ «Лунь юй». Гл. XX «Яо сказал...». С. 236, XX, 2.

¹⁶ «Лунь юй». Гл. V «Гунье Чан...». С. 175, V, 23.

¹⁷ «Лунь юй». Гл. VII «Я передаю...». С. 184, VII, 37.

¹⁸ «Лунь юй». Гл. XV «Вэйский Лин-гун...». С. 217, XV, 12.

¹⁹ «Лунь юй». Гл. XIII «Цзы Лу...». С. 206, XIII, 17.

²⁰ «Лунь юй». Гл. V «Гунье Чан...». С. 173, V, 10.

²¹ Попов 1998. Гл. IV. Ли-лоу. Ч. 2. С. 144. Ст. XVII.

²² Там же. Гл. II. Гунь-сунь Чоу. Ч. 2. С. 62. Ст. I, 4.

²³ «Лунь юй». Гл. XV «Вэйский Лин-гун...». С. 217, XV, 10.

11. «Радоваться за государство и скорбеть за него же»²⁵ и «Сначала (следует) горевать о бедах Поднебесной и только потом радоваться ее радостям»²⁶.

12. «Натягивать лук, но не спускать стрелу»²⁷.

13. «Воспитывая сердце, лучше всего обратиться к искренности»²⁸.

Все эти суждения основоположников конфуцианства, действительно, многое определяли в истории китайской государственности, но относить их к «науке управления» вряд ли верно. Богатейший арсенал принципов решения фундаментальных государственных проблем, сложившийся на основе конфуцианского синтеза апробированного политического опыта многих поколений политической элиты и зафиксированного в трудах придворных историков, в отечественном китаеведении принято считать нормами традиционной политической культуры, что более адекватно раскрывает суть данного феномена²⁹. Они имели универсальный вневременной характер и поэтому были востребованы всегда. В официальной культуре императорского Китая нормы политической культуры, как правило, бытовали в виде лаконичных формулировок, многие из которых (но далеко не все!) представляли собой суждения основоположников конфуцианства. В таком виде они легко закреплялись в общественном сознании и становились достоянием не только политической элиты, но всех подданных Сына Неба, неотъемлемым компонентом национального менталитета³⁰. А в политической практике властей императорского Китая они сопровождались примерами из прошлого и комментарием, которые не только раскрывали содержание афоризма, но и придавали ему новое, отвечающее требованиям сложившейся ситуации звучание³¹.

²⁴ «Лун юй». Гл. XV «Вэйский Лин-гун...». С. 219, XV, 39.

²⁵ *Попов* 1998. Гл. I «Ляень-хуэй-ван». Ч. 2. С. 24. Ст. IV, 3.

²⁶ Цитата из сочинения крупного сановника и литератора Фань Чунъяня (989–1052) «Записки о башне “Юэян”» (Юэян лоу цзи). Он пересказывает здесь одно из положений последователя Конфуция Сюнь-цзы.

²⁷ *Попов* 1998. Гл. VII. Цзинь-синь. Ч. 1. С. 245, XLI, 2. Словарь так раскрывает это положение: 1) наставляя людей, не действовать за них, предоставляя им самим действовать и 2) пригрозить, но не выполнять угрозы.

²⁸ Это суждение одного из основоположников конфуцианства Сюнь-цзы. Данная часть его трактата на русский язык не переводилась. Понятийный аппарат классической китайской культуры, которым активно пользуется Лю Даньчэнь, в русском языке аналогов не имеет, и в переводе он, как правило, утрачивает свое изначальное, очень важное для понимания его истинного смысла звучание. Но дать необходимый комментарий в рамках статьи невозможно.

²⁹ См.: *Переломов* 2009. С. 110–193.

³⁰ Принято считать, что определяющее влияние на менталитет китайцев оказал блок из 36-ти наиболее популярных норм традиционной политической культуры. См.: Афоризмы старого Китая... 1991.

³¹ Многие положения традиционной политической культуры закрепились в китайском языке в виде фразеологизмов, в языковой культуре Китая они играют очень важную роль.

Приобщению читателя к нормам традиционной политической культуры и посвящена основная часть книги Лю Даньчэня (гл. 3–8). Название каждой из глав автор начинает с формулы «изучать историю и...», и далее идет название темы, которой посвящена данная глава. С ее содержанием знакомит специальная заставка, а основной текст главы, как и положено учебному пособию, состоит из тщательно подобранных примеров, иллюстрирующих различные грани рассматриваемой проблематики. Они сопровождаются лишь лаконичными пояснениями автора, какой-либо анализ отсутствует: очевидно, он полагает, что должным образом преподанные уроки истории этого и не требуют.

Ознакомление читателя с традиционной политической культурой Лю Даньчэнь начинает с принципов, которыми должны были руководствоваться люди, оказавшиеся у кормила власти (гл. 3, с. 57–84). И первым он называет уже упоминавшееся положение «народ-основа» (и жэнь вэй бэнь), имеющее принципиальное значение для конфуцианской концепции государственности. Представленное в традиционной политической культуре в виде афоризма, оно было исполнено глубокого смысла. Раскрывая его, автор приводит несколько суждений основателей конфуцианства на эту тему. Так, Мэн-цзы (Мэн Кэ, ок. 372–289 гг. до н.э.) говорил: «Между небом и Землей нет ничего более ценного, чем человек», и далее он так определял иерархию государственных приоритетов: «Народ (престол, династия) составляет главный элемент (основу), духи земли и хлебов — второстепенный, а государь — последний (легкий)». Вспоминает здесь Лю Даньчэнь и суждение еще одного основоположника конфуцианства Сюнь-цзы (Сюнь Куан, ок. 313 – ок. 238 гг. до н.э.), который писал: «Предание гласит: “Правителя (можно сравнить) с лодкой, а народ с водой: вода может нести лодку, а может ее и перевернуть”». Как следует из материалов этой главы, о зависимости престола от его подданных постоянно напоминали и основатели династии Тан (618–906), время правления которой считается одним из самых блестящих в истории Китая. Ссылается здесь Лю Даньчэнь и на одного из руководителей КПК конца 1970-х – начала 1980-х гг. Ху Яобана, который также считал концепцию «народ-основа» принципиально важной³².

Еще один аспект традиционной политической культуры, на котором Лю Даньчэнь останавливается в этой главе, – забота о народе как важнейшее условие успеха в делах правления. «Сначала необходимо сделать народ богатым и только потом приступать к управлению им», – считал крупный ученый и государственный деятель Гуан Чжун (?–645 г. до н.э.). Еще одна пришедшая из древности сентенция гласила: «Если государство богато, а народ его беден – оно обречено». Кроме того, указывает Лю Даньчэнь, конфуцианская доктрина предусматривала прио-

³² Эта концепция напоминает некоторые положения исторического материализма. Но Ху Яобан скорее всего воспринимал его в конфуцианском звучании.

ритет мягкого, не силового решения государственных проблем. Только так во все времена поступали легитимные правители, а отступление от этого принципа было свойственно лишь людям, случайно оказавшимся при власти, и уход которых с политической арены был предreshен.

Далее Лю Даньчэнь переходит к рекомендациям методического характера (гл. 5, с. 129–172). Он называет их стратагемами (моу люэ). Это понятие пришло из военно-политической практики государств древнего Китая, где оно обозначало приемы и методы, используемые в борьбе с врагом. Позже, став частью традиционной политической культуры, они приобрели универсальный характер и использовались при решении самых разных проблем не только государства, но и его подданных. Лю Даньчэнь показывает, что стратагемный подход предполагал умение чиновника своевременно принимать тщательно выверенные решения, закреплять и развивать достигнутый успех, мягкое, не силовое решение государственных проблем, заботу о благополучии народа, а также наличие у государственного мужа таких качеств, как умение руководить подчиненными, не бояться трудностей, смело брать ответственность на себя и некоторых других. В заключении главы Лю Даньчэнь приводит еще целый блок рекомендаций аналогичного характера.

Следующая тема этой части книги – нормы традиционной политической культуры, определявшие формирование управленческого аппарата империи и его работу.

В сложившейся системе конфуцианской монархии высшему эшелону бюрократии отводилась особая роль: она была наделена не только административными функциями, но и выступала как хранитель государственной доктрины, образец неукоснительного выполнения ее предписаний. Основная ее часть формировалась через систему государственных экзаменов, участие в которых предполагало основательное знание конфуцианского канона и официальной версии прошлого страны. Не случайно термин «ши», которым в Китае обозначалось служилое сословие, в отечественном китаеведении переводится как «чиновник-ученый». В императорском Китае это было особое привилегированное сословие, положение которого в обществе было весьма близким к тому, которым в Европе обладала аристократия.

Начинает эту тему Лю Даньчэнь с проблем формирования политической элиты (гл. 4, с. 85–128). Этот процесс он именует «использование людей» (юн жэнь), термин заимствован из понятийного аппарата политической культуры. Впервые этот термин появился в «Книге (исторических) преданий» (Шу цзин), одном из древнейших письменных памятников, который позже вошел в основную часть конфуцианского канона. Следовательно, уже в глубокой древности власти были озабочены этой проблемой. Позже, как показывает Лю Даньчэнь, она заняла одно из центральных мест в конфуцианской концепции государственности. Основа-

тель учения трактовал ее как «отбор мудрых и талантливых» (цзюй сянь цай). А ответственность за формирование бюрократического аппарата и его успешное функционирование конфуцианство возлагало на правителя. Таким образом, «использование людей» трактовалось как дело высочайшей государственной важности, и традиционная политическая культура содержала тщательно отработанную систему положений, которыми власти руководствовались при формировании бюрократического аппарата. Лю Даньчэнь останавливается на следующих: тщательное изучение претендентов на высокий государственный пост; учет способностей при определении их на должность; воспитание и обучение; проверка и систематический контроль; поощрение и наказание. Разумеется, в традиционной политической культуре все эти установки звучали иначе, Лю Даньчэнь передает лишь их общий смысл и иллюстрирует многочисленными примерами, заимствованными из исторических трудов.

Но «отбором талантов» проблема формирования политической элиты не исчерпывалась. В конфуцианской доктрине государственности она трактовалась как «сокровище Сына Неба», от которого зависела не только успешная работа сложной государственной машины императорского Китая, но и судьба государства, его будущее. Поэтому она должна была отвечать самым высоким критериям, отличающим ее от всех остальных жителей Поднебесной. Этой проблемой власти в Китае занимались всегда, и за многие века существования конфуцианской монархии был накоплен огромный опыт ее решения. Лю Даньчэнь знакомит читателя с теми нормами политической культуры, на которые они при этом опирались. Часть из них касается профессиональной деятельности бюрократии (гл. 6, с. 173–200). Они требовали, чтобы чиновник не только безупречно выполнял свои обязанности, но и постоянно работал над собой, «пополняя сокровищницу своей мудрости», совершенствовал свои управленческие способности и помнил о том, что он должен всегда быть образцом для подчиненных. Всю свою деятельность он обязан был соотносить с принципами гуманитарного и морального начала, определявшими дела правления конфуцианской монархии («вэнь чжи» и «дэ чжи»). Он также должен был иметь литературный дар и владеть ораторским искусством. Как и в других главах, аргументируя все эти положения, Лю Даньчэнь ссылается на выдающихся государственных мужей прошлого, память о которых бережно хранят труды придворных историков. По данным автора, одного из них — Вэй Жуя (442–520), которого отличало необыкновенно ответственное отношение к своим служебным обязанностям, высоко ценил Мао Цзэдун. Он подчеркивал, что этот верный слуга императора для него — партийного работника — является образцом.

Но главное требование к политической элите, находящейся на службе конфуцианской монархии, — неукоснительное соблюдение норм морали.

Уже на заре государственности власти в Китае увидели в морали эффективный инструмент социального контроля и активно использовали в управлении страной. Отличительная черта дел правления конфуцианской монархии – их мощная морально-этическая доминанта. Основатели конфуцианства немало потрудились над разработкой всеохватывающей и по-своему весьма совершенной системы норм социальной морали, которые стали органической и очень важной частью политической культуры императорского Китая. А роль блюстителя этих норм конфуцианство всегда отводило политической элите: она обязана была не только сама строго выполнять все ее предписания, но и являть собой образец для всех подданных Сына Неба и грядущих поколений³³. Этой проблеме Лю Даньчэнь придает особое значение и излагает ее во многом иначе, чем все предыдущие (гл. 7, с. 201–250). Он начинает с общей характеристики норм социальной морали, ее конфуцианской первоосновы и констатации необходимости этих норм для государственных деятелей современного Китая. Аргументируя это положение, Лю Даньчэнь значительную часть текста посвятил позитивному отношению к нормам традиционной морали одного из наиболее популярных руководителей Китая Чжоу Эньляя (1898–1976). Приводит здесь автор и соответствующие суждения Мао Цзэдуна и некоторых других видных политиков КНР. И только после этого он обращается к характеристике конкретных норм политической культуры, ориентированных на проблемы морали. Начинает он ее с *принципиальности* (ци цзе), которая предполагала кристальную честность чиновника, его готовность отдать жизнь за династию и государство; заботить его должно было строгое соблюдение предписаний морали, а не слава и почет. Находясь на государственной службе, чиновник должен был также руководствоваться в своей деятельности не личными, а государственными интересами и строго соблюдать существующие предписания (фэн гун шоу фа). Эта норма требовала от чиновника в речах и поступках строго придерживаться «благопристойности» (ли)³⁴,

³³ Утверждение в общественном сознании норм морали предполагает наличие образца, на который следует ориентироваться. И это также входило в обязанности официального историописания, являясь одной из главных задач придворных историков, на это были ориентированы жизнеописания исторических персонажей, которые готовили придворные историки. По своему характеру и предназначению они весьма напоминают европейскую житийную литературу. Таким жизнеописаниям посвящена значительная часть текста династийных историй — основного компонента официального историописания, их там несколько десятков тысяч. Своим поведением в конкретной исторической ситуации они должны были убеждать читателя в незыблемости норм конфуцианской морали. Много места такие жизнеописания занимают и в сочинениях одного из самых предоставительных жанров — историко-географических описаниях (ди фан чжи); к настоящему времени их сохранилось около 8,5 тысяч. Опубликованный недавно в КНР свод сохранившихся жизнеописаний (видимо, далеко не полный) составил около 200 весьма солидных томов.

³⁴ Это одно из фундаментальных положений конфуцианской доктрины.

быть преданным династии, строго относиться к себе и быть образцом для подчиненных. Особое значение придавалось бескорыстию и самодисциплине чиновника (лянь цзе цзы люй): его должны были отличать честность и справедливость, бескорыстие и бережливость. Отступление от этих требований, увлечение деньгами и красотками, состязание в богатстве рассматривались не только как прямой путь к краху карьеры, но и как серьезная угроза устоям государства. Обязаны были чиновники также соблюдать и нормы семейной морали. В конфуцианстве семья рассматривалась как основа государства, его прототип, ее жизнь регламентировалась строгими правилами, пренебрежение которыми не позволяло чиновнику успешно выполнять свои служебные обязанности и рассматривалось как серьезное преступление.

Характеристику традиционной политической культуры Лю Даньчэнь завершает определением в ней места историко-культурного наследия. Этому он посвятил последнюю главу своей книги «Изучать историю и дорожить традициями истории» (гл. 8, с. 250–277). Здесь, убедив читателя в том, что китайская история является «наукой управления», он подчеркивает, что она всегда была важна для властей и сама по себе, как детище самобытной китайской цивилизации, уникальный хранитель историко-культурного прошлого, чей созидательный потенциал огромен. Это и есть те прекрасные традиции истории, о которых идет речь в данной главе. Ее потенциал был задействован всегда, без этого китайская государственность никогда не обрела бы тех своих особенностей, которые многие века обеспечивали ее уникальную стабильность и эффективность. И это национальное достояние требует бережного отношения к себе. «Различные по своему содержанию классические труды, созданные в русле превосходных традиций истории, – пишет Лю Даньчэнь, – являются огромным фондом мудрости нашей нации, ее душой и умом, это фундамент, на котором существует наша родина и ее народ, это также не поддающийся тлению приводной ремень, который не позволил китайской нации распасться, хотя за многие тысячелетия она не раз проходила через серьезные испытания. Нам необходимо чтить историю, использовать историю, дорожить ею, продолжать развивать идущие из глубины веков исторические традиции китайской нации. Никогда нельзя допустить, чтобы они были размыты или вовсе утрачены, иначе мы можем стать преступниками перед историей и нацией».

Судьба историко-культурного наследия в современном Китае, его место в политической практике властей – проблема, которая уже не одно десятилетие является предметом острейших дискуссий в китайском обществе и принципиально значима для темы, которой посвятил свой труд Лю Даньчэнь. Он убеждает читателя, что своего значения в жизни государства и общества историко-культурное наследие не утратило и поныне. Более того, если прежде власти КНР отдавали приоритет про-

блемам социально-экономическим, то с началом модернизации особое значение для них приобрели цивилизационные ценности, в наши дни они востребованы как никогда, ибо без них невозможна реализация планов радикальных преобразований страны, которые предусматривают воспитание нового человека, возрождение Китая и построение социализма с китайской спецификой. Как известно, именно на это ориентирован провозглашенный властями КНР в 80-е годы XX в. курс «поставить древность на службу современности»³⁵.

Подобное отношение руководства современного Китая к доставшемуся ему в наследство от конфуцианской монархии историко-культурному наследию не случайно. Уже начиная свой труд, Лю Даньчэнь обращает внимание читателя на то, какое место оно занимало в становлении Мао Цзэдуна как крупнейшего государственного деятеля. Он с юных лет пристрастился к изучению классической истории Китая и продолжал изучать ее всю жизнь³⁶. Как свидетельствуют содержащиеся в книге материалы, Мао Цзэдун прекрасно ориентировался в прошлом и, находясь на высоких постах, активно использовал его в своей политической практике. По данным Лю Даньчэня, аналогичное отношение к историко-культурному прошлому страны было свойственно и для многих других крупных государственных и партийных деятелей КНР; остаются верны этой традиции и все нынешние руководители страны³⁷. Все они понимают необходимость бережного отношения к основам национальной государственности и выступают как законные наследники великого прошлого своей страны. Убедить в этом читателя – одна из важных задач, которую ставил перед собой Лю Даньчэнь.

Естественно, что далеко не всё из доставшегося современному Китаю пригодно для политической практики властей, и проблема преемственности также оказалась в поле зрения автора. Он трактует ее так: «История – это непрерывная цепь, где традиции и современность взаимосвязаны. Наша современная жизнь проходит в новую эпоху, в новом культурном окружении, но наследственные гены материнской культуры не могут меняться вслед за сменой эпох, в той или иной мере, прямо либо опосредованно они продолжают влиять на потомков. Понимание людей минувших эпох и их свершений позволяет наследовать базовые здоровые

³⁵ О реализации этого курса см.: *Аллаберт 2008; Переломов 2007*.

³⁶ Мао Цзэдун особенно высоко ценил летописный свод «Зерцало всеобщее, делам правления помогающее» (Цзы чжи тун цзянь), подготовленный Сыма Гуаном. По данным Лю Даньчэня, он на протяжении жизни обращался к этому труду семнадцать раз, даже незадолго до смерти, будучи тяжело больным.

³⁷ Так, Лю Даньчэнь приводит следующее суждение одного из руководителей современного Китая Цзянь Цзэмина: «на своем долгом историческом пути (он сравнивает его с Млечным путем) Китай сформировал такие прекрасные исторические традиции, как сплочение и единство, независимость, приверженность к миру и самоусиление» (см.: *Лю Даньчэнь. 2010. С. 260*).

клетки, дает возможность для их развития в новом теле и позволяет уберечь их от всего того, что ведет к их перерождению и гибели. Для современных китайцев это совершенно необходимо. Дорожить историческими традициями – это не просто подражать прошлому, это глубокое их понимание и решимость отобрать в доставшемся наследии все самое ценное и отбросить непригодное»³⁸. Лишь после того, как с наследия смахнут пыль веков, отделят зерна от плевел и заложенные в нем цивилизационные ценности будут адаптированы к реалиям современного Китая, оно, как и прежде, станет верной опорой национальной государственности.

Как видим, популярный в наши дни тезис о том, что история учит тому, что она не учит ничему, к китайской исторической науке не применим. Свойственное ей конфуцианское видение прошлого превратило ее в великого учителя, уроки которого необходимы каждому, но в первую очередь государственным мужам. Книга Лю Даньчэня – убедительное тому свидетельство. Историческая память, хранителем которой являлись труды придворных историков, выступает в Китае как основа национальной государственности, без мобилизации ее созидательного потенциала она существовать не могла. А наличие государственности уже в древности стало важным фактором национальной идентичности китайцев, принципиально отличающим их от всего окружающего мира.

Свой знаменитый труд «Апология истории» французский историк Марк Блок начинает с вопроса, для чего нужна история. В Китае такой вопрос прозвучать не может, там на него ответили уже на заре национального историописания.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аллаберт А.В.* Место конфуцианства в модернизации Китая (конец XX – начало XXI века). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008. 228 с.
- Афоризмы старого Китая / Пер. с китайского В. В. Малявина. М., 1991. 80 с.
- Доронин Б.Г.* Династийные истории – хранители памяти о прошлом Китая // *Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Кругъ», 2010. С. 386-444.
- Доронин Б.Г.* Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. 288 с.
- Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура. М.: «Восточная литература», 2009. 935 с.
- «Ли Цзи». Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. М.: Издательство «Мысль», 1973.
- «Лунь юй» («Суждения и беседы») / Введение, пер. с китайского и комм. Л.С. Переломова // Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу»). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2004.
- Лю Даньчэнь.* Чжи го вэй чжэн ской ду ши (Чтобы управлять страной и заниматься политикой, необходимо читать историю). Бэйцзин, 2010.
- Переломов Л.С.* Конфуцианство и современный стратегический курс. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

³⁸ Лю Даньчэнь 2010. С. 251.

- Переломов Л.С. Политическая культура традиционного Китая // Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 т. Т. 4. Духовная культура Китая. Историческая мысль. Политическая и правовая мысль. М.: «Восточная литература», 2009.
- Попов П.С. Китайский философ Мэн-Цзы / Пер. с китайского, снабженный примечаниями. Репринтное издание. М.: «Восточная литература», 1998. 278 с.
- Чтимая книга (Шан шу). Древнекитайские тексты и переводы «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2014. 1152 с.

REFERENCES

- Allabert A.V. Mesto konfucianstva v modernizacii Kitaja (konec HH – nachalo HHI veka). M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2008. 228 s.
- Aforizmy starogo Kitaja / Per. s kitajskogo V. V. Maljavina. M., 1991. 80 s.
- Doronin B.G. Dinastijnye istorii – hraniteli pamjati o proshlom Kitaja // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavlenija: Rossija – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoj. M.: «Krug#», 2010. S. 386-444.
- Doronin B.G. Istoriografija imperatorskogo Kitaja XVII–XVIII vv. SPb.: Filologičeskij fakul'tet SPbGU, 2002. 288 s.
- Duhovnaja kul'tura Kitaja. Jenciklopedija v 5 t. T. 4. Istoricheskaja mysl'. Politicheskaja i pravovaja kul'tura. M.: «Vostochnaja literatura», 2009. 935 s.
- «Li Czi». Drevnekitajskaja filosofija. Sobranie tekstov v 2 t. M.: Izdatel'stvo «Mysl'», 1973.
- «Lun' juj» («Suzhdenija i besedy») / Vvedenie, per. s kitajskogo i komm. L.S. Perelomova // Konfucianskoe «Četveroknizhie» («Sy shu»). M.: Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 2004.
- Lju Dan'čhen'. Chzhi go vvej chzhjen sjuj du shi (Čhtoby upravljat' stranoj i zanimat'sja politikoj, neobhodimo čitat' istoriju). Bjejezin, 2010.
- Perelomov L.S. Konfucianstvo i sovremennij strategičeskij kurs. M.: LKI, 2007. 256 s.
- Perelomov L.S. Politicheskaja kul'tura tradicionnogo Kitaja // Duhovnaja kul'tura Kitaja. Jenciklopedija v 5 t. T. 4. Duhovnaja kul'tura Kitaja. Istoricheskaja mysl'. Politicheskaja i pravovaja mysl'. M.: «Vostochnaja literatura», 2009.
- Popov P. S. Kitajskij filosof Mjen-Czy / Per. s kitajskogo, snabzhennyj primechanijami. Rепrintnoe izdanie. M.: «Vostochnaja literatura», 1998. 278 s.
- Čhtimaja kniga (Shan shu). Drevnekitajskie teksty i perevody «Shan shu» («Shu czin») i «Malogo predislovija» («Shu sjuj»). M.: Institut Dal'nego Vostoka RAN, 2014. 1152 s.

Доронин Борис Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета; i_nadia@mail.ru

China: historical memory as the foundation of the state (a view of a Chinese historian)

The author introduces his audience to a work by a contemporary Chinese historian Lu Dancheng, and to a number of lesser-known problems of Chinese historiography discussed there. In China, historical memory, preserved in the writings by the court historians, is a basis for national state. And the existence of state already in the ancient period has become an important factor of Chinese national identity, which makes them different from all the rest of the world.

Keywords: official history-writing, political culture, national state.

Boris Doronin, Dr.Sc. (History), Professor of the Oriental Faculty of the St.Petersburg University; i_nadia@mail.ru